

УДК 46.7
ББК 571

Рабинович Валерий Самуилович

доктор филологических наук,
профессор

кафедра зарубежной литературы

Институт гуманитарных наук и искусств

Уральский федеральный университет

г. Екатеринбург

Rabinovich Valery Samuilovich

Doctor of Philology,

Professor

Chair of Foreign Literature

Institute of the Humanities and Art

Ural Federal University

Yekaterinburg

Роман О. Хаксли «Время должно остановиться»

в контексте социально-этических исканий писателя

**The Novel “Time Must Have a Stop” by A. Huxley
in the Context the Writer’s Socio-Moral Research**

В статье рассматривается не издававшийся на русском языке и практически не изучавшийся отечественными литературоведами роман О. Хаксли «Время должно остановиться» (1944) как исключительно иллюстративный для позднего творчества Хаксли текст. Роман рассматривается в контексте «положительной программы» Хаксли-проповедника 2-й половины 1930-х – 40-х годов, в диалоге с другими его произведениями, а также в аспекте культурных аллюзий, в том числе библейского происхождения.

The article considers A. Huxley’s novel “Time Must Have a Stop” (1944), which wasn’t even edited in Russian and practically wasn’t analyzed by Russian philologists, as a very illustrative text for the later Huxley. The novel is considered in the article in the context of Huxley’s prophetic “positive program” of the later 1930s – 1940s, in the dialogue with other Huxley’s texts, as well as in the aspect of cultural allusions, including Biblical ones.

Ключевые слова: положительная программа, «роман преобразования», время, вечность, ценностная систем, истина.

Key words: positive program, “the novel of transformation”, time, eternity, system of values, truth.

Роман О. Хаксли «Время должно остановиться» (1944) остается в отечественном литературоведении своеобразным «белым пятном» – в России он не издавался и практически не изучался по разным причинам.

В советское время – по тем же причинам, по каким абсолютное большинство его произведений (за исключением нескольких рассказов) в промежутке ме-

жду 1936 и рубежом 1980-х – 90-х в принципе не издавалось. В последующие два десятилетия – в силу сложившегося взгляда на роман как на исключительно назидательный, прямолинейно дидактический и спорный с точки зрения своей художественной ценности. В самом деле, этот роман, равно как и все прочие произведения Хаксли, начиная с «Слепых в Газе» действительно весьма «идеологичен» и отчасти иллюстративен по отношению к декларируемым в это же время без какого-либо художественного опосредования идеям Хаксли-мыслителя, что достаточно органически сочетается с художественной виртуозностью (пусть и вторичной по отношению к «идее»). Но в этом своем качестве роман «Время должно остановиться» продолжает галерею романов Хаксли после коренного пересмотра писателем своего мирообраза в середине 1930-х («Слепой в Газе» (1936), «После многих лет умирает лебедь» (1939)), и потому существенно дополняет общую картину эволюции творчества Хаксли.

По типологии Б. Кришнана [2; p. 181] роман «Время должно остановиться» – «роман преобразования» (что роднит его с романом «Слепой в Газе»). В определенной степени этот роман вобрал в себя черты классического «романа воспитания». В основе сюжета романа – внутренне преобразование «непосредственного» героя, Себастьяна Барнака, под влиянием идей «героя-резонера», Бруно Ронтини, и главное – их *воплощенность* в его образе жизни.

Своей образной системой роман резко отличается от прежних романов Хаксли – прежде всего, отсутствием «автобиографического героя». Судьба претерпевшего внутреннее преобразование героя Себастьяна Барнака имеет мало точек соприкосновения с судьбой самого Хаксли. Различие – даже в возрасте: действие романа происходит, главным образом, в 1929 году. Себастьян Барнак в это время – еще не имеющий внутренней основы, открытый всем влияниям юноша (впрочем, по мнению Г.-А. Нанке, поэзия юного Себастьяна Барнака вобрала в себя некоторые черты поэзии «автобиографического героя» из романа Хаксли «Желтый Кром» (1921) Денниса Стоуна – вплоть до того, что Себастьян, как и Деннис Стоун, опирается на традицию, идущую от Вордсворта и Китса [3; p. 128], однако это – одно из частных пересечений). Очевидно, подоб-

ное отсутствие в романе «автобиографического героя» объясняется тем, что художественной задачей Хаксли здесь было не изображение внутреннего преобразования «героя-скептика» под воздействием «положительной программы» – но изображение взаимодействия этой «положительной программы» с душой непосредственной, не сформировавшейся, лишенной прочных основ. Потому «герой-скептик», преодолевающий в художественном мире «Слепого в Газе» свою выстраданную внутреннюю сущность – во имя Идеала, – в новом «романе преобразования» Хаксли уступает место лишенному такой определенной внутренней сущности Себастьяну Барнаку.

Сама по себе «положительная программа» Бруно Ронтини из романа «Время должно остановиться», частью изложенная во время разговоров с Себастьяном, частью – десятилетие спустя записанная на листках бумаги, адресованных Себастьяну, мало отличается от «положительной программы» мистера Проптера из романа «После многих лет умирает лебедь». Здесь – и идея ограниченности «человеческого уровня», на котором невозможно соприкосновение с Идеалом («Если только ты дашь прощение Добру, ты можешь позволить себе быть прощенным... За то, что ты есть то, что ты есть. За то, что ты – человек» [1; р. 105]). Здесь и рассмотрение как основополагающего Зла индивидуалистической ценностной системы, в центре которой – отдельное «я»; отсюда идеал самоотречения, самозабвения в Высшем. Здесь – и рассмотрение условных, ограниченных *человеческих* ценностей как *ложного* замещения *Высшего*: «К удивлению гуманистов и либеральных церковников, отмена Бога породила понятную пустоту. Но природа не терпит пустоты. Нация, Класс и Партия, Культура и Искусство устремились заполнить пустую нишу. Для политиков и для тех, кому случилось родиться с талантом, новые псевдорелигии были, есть и будут (пока не разрушат всю общественную структуру) чрезвычайно доходными суевериями. Но если посмотреть на них бесстрастно – какие они невыразимо случайные и глупые – и сатанинские!» [Там же – р. 291]. Здесь – и критическая оценка культуры (в том числе и на уровне базовых культурных символов) с точки зрения соответствия Идеалу. Так, искусство в рамках этой «положительной про-

граммы» есть в основном лишь художественное воплощение «человеческого уровня» – земных, эгоистических, по большей части примитивных эмоций: «болтовня, фантазии, увлеченность собственными настроениями и чувствами – это фатально для духовной жизни. Но – среди всего прочего – даже лучшая пьеса или повествование есть лишь прославленная болтовня или художественно вышколенные фантазии» [Там же – р. 291]. Даже Данте – в рамках этой системы ценностей – несмотря на его стремление к Высшему – находится частью в рамках все того же «человеческого уровня». Бруно Ронтини обращает внимание Себастьяна на то, что своих героев, оказавшихся в раю, Данте заставляет *перед лицом Бога* обличать людей и угрожать им адским огнем, – более того, «даже в раю он не может остановиться в своих ругательствах по адресу современных ему политиков» [Там же – р. 250]. Наконец, исключительно символична в данном контексте последняя прогулка Бруно Ронтини вместе с Себастьяном – перед арестом: осматривая фрески Микеланджело и Фра Анжелико, Бруно Ронтини сопоставляет их с точки зрения степени преодоления «человеческого уровня» во имя Идеала. Что касается Микеланджело, то это – «апофеоз – когда человек возвышен... до такой степени, что уже перестает быть просто мужчиной или женщиной и становится богоподобным, одним из олимпийцев, как этот страстно-задумчивый воин, как те великие титаны над саркофагом – задумчивые, обнаженные» [Там же – р. 253]. Это *обожествление Человека*, то есть – отрицание подлинно Высшего. Это – торжество лишенного Бога гуманизма. И – в противовес Микеланджело – Бруно Ронтини рассматривает фрески Фра Анжелико как *обоготворение* – растворение «я» в Боге: «И, в противовес Апофеозу, обоготворение: личность растворена в милосердии, в единстве [с Богом. – В. Р.], так что человек может сказать – «Не Я, но Бог во мне»» [Там же – р. 253]. (Подобное сопоставление символического смысла фресок Микеланджело и Фра Анжелико в контексте обретенного Хаксли Идеала вызывает ассоциации со столкновением символических смыслов картин Эль Греко – с *земными* страданиями святого – и Вермеера – где земная женщина изображена в контексте высшего, *внечеловеческого* совершенства – в романе Хаксли «После многих лет умирает лебедь» (1939)).

Роднит ценностную систему, сформулированную Бруно Ронтини, с ценностной системой мистера Проптера из романа «После многих лет умирает лебедь» и осмысление *Времени* как модуса бытия, враждебного Высшему, закрепляющего скованность человека земными рамками. И идея «освобождения от времени» мистера Проптера в романе «Время должно остановиться» воплотилась в комментированном цитировании Бруно Ронтини *шекспировского* «Генриха IV»: «И время... должно остановиться» [Там же – р. 297]. (В контексте особой символической роли Шекспира в художественном мире Хаксли (начиная с Шекспира из антиутопии «О дивный новый мир» (1932), именем которого Дикарь бросает вызов миру обезличенных, но счастливых людей) особо примечательно, что и заглавием рассматриваемого здесь романа стала именно *шекспировская* сентенция). И выход за пределы земных, человеческих рамок немислим для Бруно Ронтини без выходы во *вневременное* состояние, в *неправдоподобную Вечность* (позже идеал «освобождения от времени», на уровне вытеснения из человеческого сознания модусов прошлого и будущего, войдет в качестве одной из составляющих в ценностную систему утопического общества из романа О. Хаксли «Остров» (1962)).

Система ценностей, принятая Хаксли во второй половине 1930-х – 40-е годы базируется не на отрицании его же иронического скептицизма 1920-х годов, но на его перерастании: в пределах «человеческого уровня» ни одна из ценностей не может быть достойна чего-либо иного, кроме как, в лучшем случае, иронии, в то время как подлинные, объективные ценности существуют на принципиально ином, «внечеловеческом» уровне. И в своих предметных записках Бруно Ронтини формулирует определенную совокупность «предельных» данностей и «предельных» ценностей, которые в это время составляют «предельный» неоспоримый ценностный минимум и для самого Хаксли.

«Минимальная рабочая гипотеза, вероятно, такова:

Что есть Бог или Царство Божие как непроявленный принцип любого проявления.

Что Царство Божие трансцендентно и имманентно.

Что для человеческого существа возможно любить, знать и, в сущности, идентифицироваться с этим Царством.

Что достижение этого объединяющего знания, постижение этой абсолютной идентичности – конечная цель человеческого существования.

Что существует Закон Дхармы, которому должно подчиняться, и Тао, или Путь, которым должно следовать, если людям предстоит достичь своего конечного итога.

Что чем больше от «Я», «Меня», «Моего», тем меньше от Царства Божия и что, исходя из этого, Тао – путь смирения и сострадания, а Дхарма – это закон смирения и знания о преодолении самого себя» [Там же – р. 294]. Это – совокупность «предельных» истин; все же остальное, включая *более конкретные* толкования Бога и подкрепленных божественным авторитетом ценностей в конкретных религиях, может быть оспорено и критически переосмыслено.

Коренным же отличием романа «Время должно остановиться» от предшествующих романов Хаксли является не сущность базовой системы ценностей, легкой в основу художественного мира, но степень включенности этой системы ценностей – и ее проповедника – в романное действие. В художественном мире «Слепого в Газе» и в еще большей степени – романа «После многих лет умирает лебедь» герои-проповедники просто декларируют свои «положительные программы», а романное действие в основном разворачивается без непосредственного участия этих героев-проповедников. Что же касается мистера Проптера из романа «После многих лет умирает лебедь», то даже его включенность в фабулу достаточно случайна: Хаксли поселил его рядом с замком Стойта исключительно для того, чтобы дать ему возможность *на фоне Замка* изложить свою ценностную систему – и, в свою очередь, романное действие происходит *на фоне этой ценностной системы* как на фоне пребывающей в статическом состоянии *Истинной Шкалы*. Эта система ценностей не включена в романное действие, она – просто *высказана*. В романе же «Время должно остановиться» родственная система ценностей проходит испытание *в действии*, поскольку ее носитель – Бруно Ронтини – активный участник романного действия.

Собственно, в романное действие здесь оказываются включены три *воплощенных* ценностных системы, которые соприкасаются в душе «непосредственного» Себастьяна Барнака (и проявляют себя – каждая по-своему – по отношению к символическому Вечернему Костюму, который для Себастьяна – и его мечта, и его непоправимая вина, и источник его прозрения). Две из них – несмотря на свою кажущуюся взаимную противоположность – остаются в рамках «человеческого уровня»; в их основе – человеческое «я» как ценностный центр. Одна из этих систем – декларируемая дядей Себастьяна Юсташем Барнаком – представляет собой единство гедонизма и безрелигиозного гуманизма. В основе этой системы ценностей – идея права отдельного человека на максимально возможное наслаждение, без ущерба другим, но с правом быть равнодушным. Он бросает вызов «Им» – носителям нравственных императивов и убеждений – с позиций Жизни как высшей ценности: «...Мы... приносим ощутимо меньше несчастий, чем другие люди. Мы не затеваем войн... крестовых походов и коммунистических революций. «Живи и позволяй жить другим» – вот наш лозунг. В то время как «Их» идея Добра – «умирай и заставляй умирать», будь убит за свое идиотское дело и убивай всякого, кому не посчастливилось согласиться с тобой» [Там же – р. 122]. И он дает Себастьяну благословение на запретный Вечерний Костюм (для чего дарит ему – для продажи – картину Дега), но внезапно умирает, не успев оставить письменной дарственной (что и приводит к последующим драматическим событиям). Его правда снисходительна к человеку, но она же – невольно – сыграла в судьбе Себастьяна предательскую роль: Юсташ благословил его на наслаждение – и внезапно покинул («Бог умер!»). Примечательно, что сама смерть Юсташа в художественном мире романа описана в метафизическом контексте. Вначале – его торжествующий смех, знаменующий кажущееся вселенское торжество его правды («Да, вся Вселенная смеялась вместе с ним» [Там же – р. 231]). Он смеялся над людскими страданиями, которые в это время проходят перед его глазами, над человеческой нравственностью, над своим нравственно ригористичным братом Джоном. Но затем *метафизический* смех Юсташа (вызывающий ассоциации с *метафизиче-*

ским смехом доктора Обсобо в финале романа «После многих лет умирает лебедь») выходит за пределы его разумной воли – и перерастает в *космический пароксизм*. И все это – на фоне вдруг возникшего перед его глазами «кристалла *светящейся Тишины*» [Там же – р. 231] (этот образ восходит у Хаксли к Священной Тишине из «Шутовского хоровода»), а затем – проходящей перед его глазами жизни в ее кровавом потоке. Он смеется – уже против своей воли – на фоне внезапно открывшейся ему, но уже бесплодной для него Высшей Истины, переживая при этом свое абсолютное, *метафизическое* банкротство. И он так и умирает – и таким остается в вечности – *смеющимся над людскими страданиями перед лицом Бога*. В этом – концентрированное воплощение его ценностной системы.

Носитель противоположной, но тоже находящейся в рамках «человеческого уровня» – отец Себастьяна, Джон Барнак. Он – убежденный социалист, носитель четких политических взглядов и нравственных императивов. В рамках его ценностной системы долг человека – в *подавлении* своего «Я», в его *подчинении* общественным интересам. Но его ценностная система – при внешней противоположности *внравственному гедонизму* Юсташа – имеет в качестве центра все то же человеческое «я», которое, однако, постольку поскольку оно несовершенно, в рамках его ценностной системы должно быть смиряемо и подавляемо (как отдельным человеком – на уровне нравственного закона, так и обществом в целом – на уровне общественной морали и законов юридических). И если Юсташ Барнак *благословляет* Себастьяна на Вечерний Костюм, то Джон Барнак *запрещает* Вечерний Костюм, что и стало первоначальной причиной последующих шагов Себастьяна, приведших к драматическому исходу. Эта ценностная система занимает в романе более высокое место в ценностной иерархии, чем правда Юсташа Барнака. Потому на Джона Барнака не обрушивается катастрофический Исход; просто в финале романа уже прозревший, увидевший Истину в ином, *внечеловеческом* измерении Себастьян Барнак видит своего отца – по-прежнему озабоченного судьбами мира, но ощущающего безнадежность своих усилий и неизбежность катастрофы, к которой мир стреми-

тельно движется, - и испытывает к нему только жалость как к человеку, живущему *во времени* и в пределах *земной необходимости*.

Правда Бруно Ронтини, который выполняет в художественном мире романа функцию «героя-идеолога», также испытывается в действии. Он не благословляет и не запрещает Вечернего Костюма – Вечерний Костюм как ценностный символ (позитивно или негативно окрашенный) находится за пределами его ценностной системы. Просто он – как потом оказалось, жертвуя собой, спасает Себастьяна в ситуации, в которой он оказался в своем стремлении Вечерний костюм обрести. В результате Бруно Ронтини попадает на десять лет в фашистскую тюрьму, выходит на свободу больной раком горла, лишенный возможности говорить – и последние пятнадцать недель своей жизни проводит рядом с Себастьяном, записывая *для него* свою систему ценностей – и одновременно обрекая его на пребывание в течение пятнадцати недель рядом с собой, *умирающим по его вине*. В определенной степени в художественном мире романа «Время должно остановиться» присутствуют – соответствующим образом модифицированные – евангельские мотивы. В своей идее высшей внечеловеческой любви и в некоторых своих поступках Бруно повторяет Христа. Так, муку заточения он принимает *добровольно* (оказывается, он был предупрежден о готовящемся аресте, ему обещали переход через границу – но он отказался бежать от готовящегося ему *земного* страдания). Достаточно прямые ассоциации с последними обращенными Иисусом – уже знающим о готовящейся муке – к ученикам словами – на Елеонской горе и в Гефсиманском саду – вызывает последний разговор Бруно Ронтини с Себастьяном во время их последней прогулки – о фресках Микеланджело и Фра Анжелико: во время этого разговора Бруно уже знал о готовящемся аресте и о том, что этот разговор – последний. Определенные отдаленные ассоциации с учеником Иисуса – Петром, *поднявшим меч* в защиту своего Учителя, в противоречии с его Учением – вызывает один из учеников Бруно Ронтини, Карло Мальпиги, хотя он поднимает символический меч не на тех, кто схватил его учителя, а на того, по чьей вине Бруно Ронтини был схвачен, – на Себастьяна. И если Бруно Ронтини уходит в тюрьму с

любовью к ученику, из-за которого пострадал, то Карло Мальпиги – тоном, исполненным «концентрированной ненависти» [Там же – р. 270], – бросил Себастьяну слова обвинения – и *дал ему пощечину* (так что его поднятая для пощечины рука, очевидно, по замыслу Хаксли, имеет связь с мечом, поднятым Петром). Наконец, вышедший из тюрьмы и потерявший голос Бруно Ронтини, адресуя Себастьяну – уже словно бы из физического небытия – последние, ранее не высказанные слова своей правды (сюжет романа расчленен на две неравных по объему части: основное действие романа разворачивается *до* ареста Бруно; затем – названный вскользь *промежуток* его муки и частичного отречения его слабого в вере ученика; наконец – последние недели общения Себастьяна с освободившимся – «воскресшим» – Учителем и конечное укрепление его в новой вере), вызывает определенные ассоциации с *воскресшим* Иисусом, обратившим к своим ученикам последние слова. разумеется, евангельские аллюзии в художественном мире романа Хаксли «Время должно остановиться» весьма эпизодичны, «пунктирны», модернизированы с учетом реалий XX века – однако уже само присутствие таких аллюзий свидетельствует об особом, метафизическом смысле в художественном мире романа «Время должно остановиться» образа Бруно Ронтини и его Истины.

Библиографический список

1. Huxley A. Time must have a stop. – N.-Y. – L.: Harper & Brothers, 1944. – 314 p.
2. Krishnan B. Aspects of Literature Technique and Quest in Aldous Huxley's Major Novels. – Uppsala – Stockholm: Almqvist & Wiksell International. – 1977. – 180 p.
3. Nance L.-A. Aldous Huxley. – N.-Y.: Continuum, 1990 – 154 p.

Bibliography

1. Huxley, A. Time Must Have a Stop. – N.-Y. – L.: Harper & Brothers, 1944. – 314 p.
2. Krishnan, B. Aspects of Literature Technique and Quest in Aldous Huxley's Major Novels. – Uppsala – Stockholm: Almqvist & Wiksell International. – 1977. – 180 p.
3. Nance, L.-A. Aldous Huxley. – N.-Y.: Continuum, 1990 – 154 p.